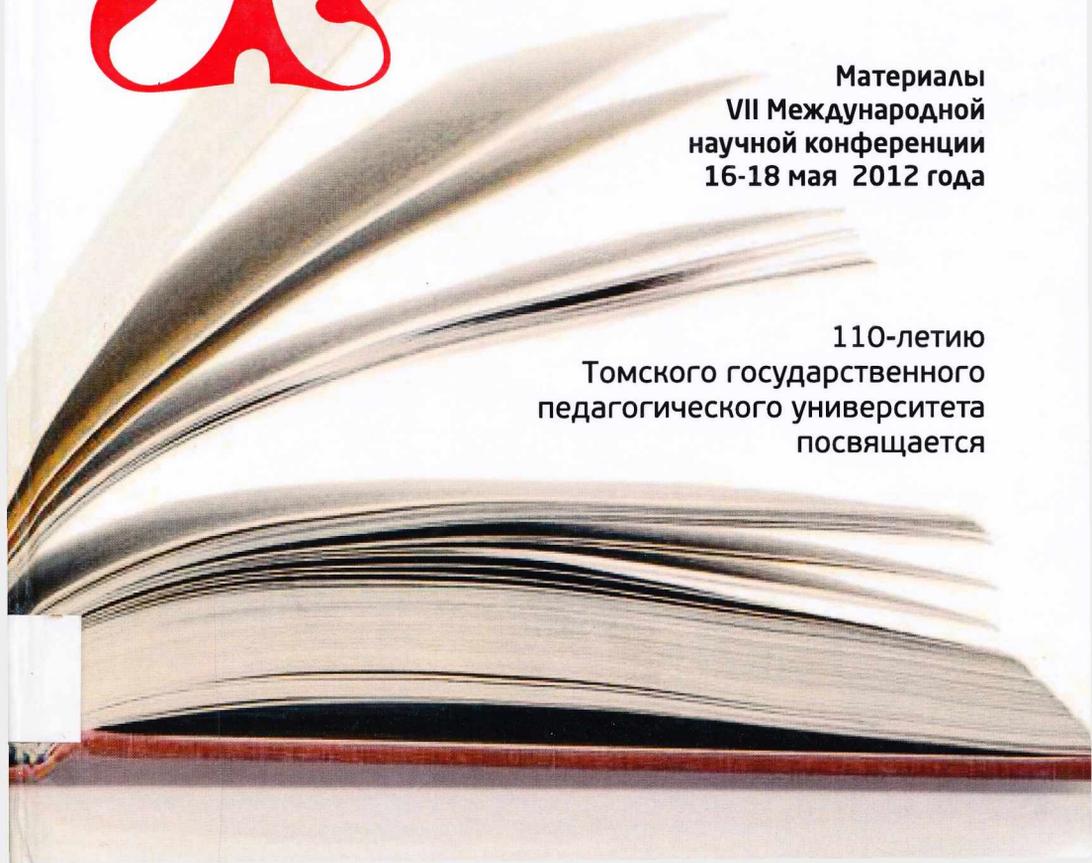

Русская речевая культура и текст

Материалы
VII Международной
научной конференции
16-18 мая 2012 года

110-летию
Томского государственного
педагогического университета
посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

Историко-филологический факультет
Кафедра современного русского языка и стилистики
Лаборатория русской речевой культуры и теории текста

Русская речевая культура и текст

Материалы VII Международной научной конференции
(16-18 мая 2012 г.)

Под редакцией проф. Н.С. Болотновой

Томск 2012

Раздел I

Теоретические и прикладные аспекты русской речевой культуры: история и современное состояние

О.И. Блинова

*Томский государственный университет,
г. Томск, Россия*

МЕТАТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН НАРОДНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевыми понятиями в настоящей статье является «метатекст» и «народная речевая культура». Первое понятие связано с теорией языкового сознания, с той его частью, которая представляет метаязыковое сознание (МЯС), определяемое как совокупность суждений, представлений носителей языка о языке. Отсюда «метатекст» можно определить как текстовое выражение метаязыкового сознания.

Второе понятие – «народная речевая культура» (НРК) – представляет один из типов речевой культуры, выражаемых местными, или территориальными диалектами, в отличие, например, от типа элитарной культуры, выражаемой литературным языком [1, с. 7].

НРК как объект языкознания **имеет статус** лингвокультурологического направления в качестве раздела формирующейся диалектной лингвокультурологии, в которой выделены следующие аспекты: онтологический, источниковедческий, лексикографический, сопоставительный, лингвозкологический, историографический, описательный [2, с. 9-13]. Заявленная тема относится к **онтологическому аспекту**, ориентированному на разработку терминосистемы НРК.

Метатекст как термин используется в разных отраслях научного знания, но наиболее широко он употребляется в мотивологии при анализе функций мотивационно связанных слов в текстах и метатекстах, при составлении толковых и других типов мотивационных словарей, а также словарей аспектных – антонимических, синонимических, вариантных, образных, выполненных на диалектном материале.

Основная цель привлечения метатекстов в подобных случаях – определить факт осознания носителем диалекта тех или иных видов системных связей лексических единиц (например, синонимии), тех или иных свойств слов – эмоциональности, экспрессивности, интенсивности, мотивированности, образности и т.п., тех или иных стилиевых характеристик лексем (ласкательное, грубое, уничижительное и т.д.).

Русская речевая культура и текст

Для того чтобы определить метатекст в качестве феномена НРК, необходимо сопоставить его с другими слагаемыми НРК и выявить его лингвокультурологические характеристики.

Если исходить из содержания понятия «речевая культура», включающего совокупность достижений человека и человечества в речевой сфере, её золотой фонд, то к нему следует относить прежде всего всё то, что апробировано **в народно-поэтическом стиле** диалекта на всех его уровнях и нашло отражение в фольклоре, в поэзии и художественной прозе. Неслучайно внимание исследователей привлекли образные средства языка, составившие ядерную зону НРК в качестве её слагаемых на уровне слова и текста – это собственно образные слова (СО), первичные номинации с метафорической внутренней формой, например, *подсолнух* ‘травянистое растение с крупным жёлтым соцветием, уподобляемым солнцу’ (*Айда на низ огорода. Тут у меня картошка растёт. А промеж картошки подсолнухов натыкала. Как зацветут, бывало, так по всему огороду будто солнышки прыгают*) [СФ, т. 2, с. 90];

языковые и речевые метафоры, вторичные номинации, например: *ёлочка* ‘травянистое растение хвощ полевой’ (*Трава така. Она больше на полях растёт <...> На ёлочку походит, ёлочка и есть*. СОЕ, 96);

к ним примыкают двусловные номинации тех же разрядов: ЯМ – *анютины глазки* ‘травянистое растение фиалка трёхцветная, с цветочным рисунком, напоминающим глаз’ (*Анютины глазки, оне такие красивые цветочки <...> вот посмотрите вы на анюточку эту, она разными цветами, она похожа на глаз*. СФ, т. 3, с. 23);

СО – *дед колючий* ‘растение чертополох курчавый, с колючим стеблем’ (*У меня в огороде дед [колючий] растёт. Высокий такой. Листья большие, как разрезанные, а на конце листьев иголки маленькие: уколоться можно*. СФ, т. 3, с.46);

К классу двусловных номинаций целесообразно отнести и сложные слова, компоненты которых соединены дефисом [С-С], например: *мать – мачеха* ‘какалия копьевидная’, *иван-чай* ‘лабазник’, *жар-цветок* ‘папоротник мужской’, – все они пополняют разряд СО (подробнее в [3, с. 5-10]);

образные фразеологизмы: *класть последний след* ‘один из ритуалов похоронного обряда: бросать вслед за гробом пихтовые ветви’ (*Как похороны проходят? Да так и проходят. Веточки пихтовы бросают. Это последний след кладут*. СОЕ, с. 124);

на уровне морфологии – творительный подобия, на синтаксическом уровне – сравнительные обороты, на уровне текста – стилистические приёмы и фигуры речи [3, с. 5-10; 4, с. 5-10; 5], а также многие другие средства языка.

Следует отметить, что образные единицы в рамках лингвокультурологии обрели различные пометы в зависимости от того, каким предметам и явлениям окружающего мира уподоблено обозначаемое: человеку («олицетворение») или мифическому существу («мифоморфизм»), животному («зооморфизм») или растению («фитоморфизм»), объектам природы («натуромор-

Раздел I

физм») или звуку («фономорфизм») и т.д. [6, с. 570-577; 7, с. 132-136]. Этот пласт образных единиц также входит в число слагаемых НРК.

Имеет ли такой статус метатекст? Думается, ответ на этот вопрос может быть дан в зависимости от речевого наполнения метатекста. Если в состав метатекста входят компоненты НРК, он, безусловно, становится её слагаемым. И наоборот.

Рассмотрим это на примерах. В метатексте *Егорьево копьё – побируха, растёт в поле на гривах. Цветёт жёлтыми цветочками <...> Цветы – как метёлка, листья зелёные продолговатые, как пёрышки* [СФ, т. 1, с. 132] представлены следующие образные единицы: собственно образная двусловная номинация *егорьево копьё*, характеризующееся двойной пометой «лице-творение» и «артефактоморфизм», языковая метафора *грива*, она же «натуроморфизм», два образных сравнительных оборота – *как метёлка* («артефактоморфизм») и – *как пёрышки* («зооморфизм»).

Не менее насыщен образными компонентами и следующий метатекст: *Подсолнух, он на солнце похож: золотой, цвета жёлтого, как солнце – вот и зовут так* – содержит три компонента НРК: метафору золотой, собственно образное слово подсолнух (растение, шляпка которого напоминает солнце), два сравнительных оборота с объектом сравнения солнце, посредством которых отражена ассоциативная связь земного растения и небесного светила, мира Земли и Космоса.

В лингвокультурологическом аспекте этот метатекст содержит «натуроморфизм», который выражен дважды: лексически (*подсолнух, золотой*) и посредством двух сравнительных оборотов (*похож на солнце, как солнце*).

Принадлежность обоих метатекстов и им подобных к слагаемым НРК очевидна. Метатексты, не содержащие компонентов НРК, не обладают рассматриваемым статусом. Пример: *Содют лук. Он не очень крупный, не очень мелкий. Семена сеянца называют* (СФ, т. 2, с. 37).

Следовательно, не каждый метатекст пополняет фонд НРК, а лишь те из них, состав которых включает эстетически значимые средства диалектной речи.

Метатексты как феномен НРК не представляют собой однородного речевого пласта. Они могут различаться количеством компонентов НРК, составом компонентов разной тематической или частеречной отнесённости, отражением разных классов образных единиц и их лингвокультурологических характеристик, разных стилистических приёмов и фигур речи, комплексом названных и неназванных параметров.

О необыкновенном разнообразии и разнотипности метатекстов как феномена НРК говорит нижеприведённая подборка, привлечённая из двух источников: «Словаря образных слов и выражений народного говора» [5] и «Словаря фитонимов Среднего Приобья» [8, т. 1-3], составленных по материалам диалектологических экспедиций ТГУ в регионе среднеобской диалектной группировки.

Русская речевая культура и текст

1. Ромашка не любит тени так, как жар-цветок [папоротник]. Он-то, наверное, всё от людей прячется. Не хочет, чтобы цветок его огненный видел. Цветёт он один раз в год накануне дня Ивана Купала <...> появляется ярким светом цветок, при этом гром грохочет и молнии лес освещают, как днём. Потому и зовут его «жар-цветок» [СФ, т. 2, с. 72].

2. А вот это в простонародье, по-русски, иван-да-марья [бегонию называли так], потому что на одном цветке у него один цветок мужской, один женский. Вот красивый какой! Мужской цветок только вот распустился, а женский цветок букетом стоит, таким красным расцветает букетом. На одном цветке вот этом два разных [СФ, т. 1, с. 30-31].

3. А есть ешишо медуница. Мы «бархатинка» зовём. В покосе нежная сидит, как бархат. «Бархатинкой» зовём в деревне [СОЕ, с. 37].

4. Этой весной и куриные сапожки [цвели], и огоньки: они, как огнёвый цвет, их и зовут «огоньки» [СОЕ, с. 182].

5. Ну, первой появляется мать-и-мачеха. Вот сначала цветочки, а потом листья. Называется так потому, что вот нижняя [сторона листа] тёпленкая – это «мать», а верхняя вот гладенькая. Она холодная. Называется «мачеха» [СФ, т. 2, с. 46].

6. Щас вот садют [цветы], похжие на их. Как их? Забыла. Львиная пасть? Нет! Львиный зев! Вот. Соседка моя садит. Так. Так эти ещё красивше. У них тоже две губы. Токо они всяки бывают: красненьки, жёлты [СФ, т. 2, с. 38].

7. Вот есть иван-да-марья [марьяник] [А почему так называется? Не знаете?] – Знаю, доченька, знаю! <...> Об этом цветке такая легенда ходит. Пошли как-то в лес по грибы Иван да Марья. Тут началась гроза, сверкает молния. А спрятаться-то негде. Вот Иван и загородил собой Марью. Гроза прошла. Иван да Марья домой вернулись. А в том месте, где Иван спасал Марью, выросла трава с фиолетовыми листочками, которые, как Иван Марью, защищали от грозы жёлтые цветочки. Вот и название отсюда пошло [СФ, т. 2, с. 44].

В первом метатексте использована следующая совокупность компонентов НРК: а) образные единицы: метафоры (*любит, прячется, не хочет, освещают*), которые отражают приём олицетворения, и метафора *огненный*, воплощающая натуроморфизм), собственно образная двусловная номинация (*жар – цветок – натуроморфизм*), сравнения (*как жар – цветок, как днём*), б) фигура речи – кольцо (*жар – цветок* в начале и в конце метатекста выполняет роль обрамления).

Во втором метатексте образные единицы представлены а) двусловной метафорой (*иван-да-марья*) и творительным подобием (*букетом*), чему соответствуют приёмы олицетворения и фитоморфизма; б) метатекст структурируется приёмом синтаксического параллелизма, дважды представленной антонимической парой (*мужской – женский*).

Третий метатекст содержит а) два собственно образных слова (*медуница и бархатинка*), две метафоры (*сидит, нежная*), сравнительный оборот (*как*

Раздел I

бархат), б) приёмы повтора, олицетворения, натуроморфизма, артефактоморфизма.

В четвёртом метатексте – а) две метафоры (*огонёк 'купальница', огнёвый*), собственный образная двусловная номинация (*куринные сапожки*), сравнительный оборот (*как огнёвый цвет*), компоненты двусловной номинации воплощают зооморфизм и артефактоморфизм; б) повтор метафоры *огонёк* в первой и второй частях сложного предложения создаёт приём кольца.

В пятом метатексте – а) три метафоры – однословная и двусловная (*мать, мачеха, мать-и-мачеха*), вплетённые в рисунок приёма синтаксического параллелизма и реализующие приём кольца.

В шестом метатексте – три метафоры – двусловные (*львиная пасть, львиный зев*) и однословные (*зуба*); двусловные номинации характеризует зооморфизм, однословные – олицетворение.

В седьмом метатексте – две метафоры (*иван-да-марья, защищали*), представленные на фоне красивой легенды, в рамках которой, имея статус олицетворения, они наделены ролью «действующих лиц».

Как видим, краткий анализ приведенных метатекстов подтверждает их разнообразную наполненность совокупностью образных единиц, стилистических приёмов и фигур речи, имеющих лингвокультурологические характеристики.

Возникает потребность изучения типов метатекстов – носителей НРК. Задача очень сложная, но насущная, представляющая серьёзный научный интерес.

Условные сокращения

- МЯС – метаязыковое сознание
- НРК – народная речевая культура
- СО – собственно образные слова
- СОЕ – словарь образных единиц
- СФ – словарь фитонимов
- С-С – сложные слова с дефисом
- ЯМ – языковые метафоры

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Н.И. Язык и культура. Некоторые проблемы славянской этнолингвистики // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы русистики. М., 1991. Ч. 1. С. 5-22.
2. Блинова О.И. Народная речевая культура: статус и аспекты исследования // Русская речевая культура и текст: Материалы VI Междунар. науч. конф. 25-27 марта 2010 г. Томск, 2010. С. 8-14.
3. Блинова О.И., Разина А.С. Двусловные фитонимы в лингвокультурологическом освещении. // Вестник Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 5-10.
4. Блинова О.И. Слагаемые народной речевой культуры (по страницам среднеобских словарей). // Язык и культура. Научный периодический журнал. Томск, 2009. № 2 (6). С. 5-10.

Русская речевая культура и текст

5. Словарь образных слов и выражений народного говора / Авт.-сост. О.И. Блинова, С.Э. Мартынова, Е.А. Юрина. Томск, 2001. 308 с.
6. Словарь образных слов русского языка / Авт.-сост. О.И. Блинова, Е.А. Юрина. Томск: UFO-Plus, 2007. 364 с.
7. Блинова О.И. Двусловные номинации в аспекте теории образности и лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. 2001. № 1. Новосибирск, НГУ. С. 132-136.
8. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / Ред. О.И. Блинова. Томск, 2006. Т.1. 144 с.; Томск, 2007. Т. 2. 164 с.; Томск, 2008. Т.3. 192 с.

Р.И. Кудряшова, Д.С. Харитонова
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ТЕКСТЕ ПРЕДАНИЙ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 11-14-34002а/В

Язык – одно из главных достояний нации, он – средство общения народа, выразитель его души. Язык – это то, что объединяет людей и помогает им сохранить свое единство. Особенно это важно для изолированных групп, которые находятся далеко от своей родины. Такой группой в свое время были казаки-некрасовцы.

Казаки-некрасовцы (Игнат-казаки, некрасовские казаки) – потомки донских казаков, которые принимали участие в Булавинском антифеодальном восстании на Дону под предводительством бывшего атамана Есауловской станицы Игната Федоровича Некрасова. После подавления восстания И. Некрасов осенью 1708 года увел булавинцев на Кубань. Затем некрасовцам пришлось покинуть родину, они поселились в Турции, на озере Майнос (Маньяс), где прожили свыше 200 лет, и лишь в XX веке при Советской власти возвратились домой, основав хутор Ново-Некрасовский в Краснодарском крае.

Прожив долгое время вне России, Игнат-казаки сохранили не только свой язык, но и свой фольклор, унаследованный от предков – донских казаков. Особенно глубоки по чувству, разнообразны по художественным формам их сказки и предания (в статье рассматриваются предания, собранные Ф.В. Тумилевичем [6]), в которых сохранились сведения об укладе жизни людей, их мировоззрении, материальных и духовных ценностях. Именно в них казаки выражали то, что было им дорого и истинно ими любимо. Поэтому предания служат очень ценным